

Поэзия Польши

Несколько лет назад Роза Васильевна Алимпиева подготовила к публикации сборник переводов Адама Мицкевича. Книга благополучно вышла в издательстве «Янтарный сказ» и разошлась мгновенно. Читатели по достоинству оценили прекрасные переводы профессора нашего университета, были положительные отклики не только из России, но и из-за рубежа. Размышляя над переводами Р. В. Алимпиевой, я нахожу, что она стремится передать в переводе не только конкретный смысл слова, фразы, предложения, стиха, но прежде всего атмосферу времени, эмоциональную ситуацию стихотворения, сохранить индивидуальный стиль поэта, его настроение. Это очень важно. Атмосфера времени — это своеобразный язык. Конечно, Адам Мицкевич писал в духе своего времени, и перевести его так, чтобы читатель поверил, что перед ним именно Мицкевич, а не поэт XX века — это настоящее искусство. И Роза Васильевна владеет этим искусством, прежде всего потому, что она погружается в атмосферу творчества поэта, изучает его жизнь, эпоху. Она хорошо знает культуру Польской Республики. Кроме того, она прекрасно, как это ни парадоксально звучит, владеет родным языком. Она во власти ресурсов русского языка, его истории. Я не удивляюсь качеству переводов Розы Васильевны, поскольку знаю, что она необыкновенно талантливый, искушенный даром творчества человек. Когда она читает свои стихи, я представляю какое-то особое интеллектуальное пространство, с которым, как мне кажется, она находится в изысканных отношениях. Она поэт. И ей дано понять и талантливо транслировать лирическое сознание авторов, к которым она обращается. Не могу удержаться, чтобы не познакомить читателя с одним из стихотворений Р. В. Алимпиевой. Оно называется «Все-таки любовь...».

Нет, все-таки любовь была вначале,
Любовь преобразила бытие.
И краски неба, моря заиграли,
Лазурью воссияли в вечной мгле.

Все охватила свежесть рощ зеленых,
Безбрежье росных утренних полей,
И взор твой ясный, в небо устремленный,
И песнею рожденный соловей.

В тех трелях заливных заря рассвета,
Цветов и трав нежнейший аромат,
И юная Земля, желанием согрета,
Оделась в яркий, утренний наряд.

И понеслась по солнечной орбите,
Как будто шар небесно-голубой.
Нет, в изначалье всех земных событий
Была она — великая любовь.

В этом номере мы публикуем небольшую подборку стихов польских авторов, составленных и переведенных Р. В. Алимпиевой.

В. Грешных

АДАМ МИЦКЕВИЧ

К Лауре

Взглянул лишь на тебя — и потерял покой,
В твоих глазах почувствовал родное,
Нас в мире оказалось только двое,
И вспыхнул розы свет пред утренней зарей.

Едва запела ты, как слезы полились,
До сердца песнь дошла и душу захватила.
Казалось, ангел шепчет имя милой,
Стремясь прекрасный миг остановить.

Прошу тебя — не прячь в смятенье глаз,
Когда тревожу восхищенным взглядом,
Пусть люди и судьба восстанут против нас,

Клянусь — я буду ждать, мне ничего не надо.
Пусть даже на Земле обет другому дашь,
Но знай — на небесах мы будем вечно рядом.

К Неману

Неман, река моя! Где твои воды?
В детстве их нежно касался руками,
Позже, свой пыл охлаждая волнами,
Плыл в неизвестность по зову свободы.

К водам твоим приходила Лаура,
Гордо любуясь своим отраженьем,
Я же рыдал, весь охвачен сомненьем...
Косы и розы!.. Все сном промелькнуло.

Неман, река моя, где те истоки?
Черпал в них радость, надежду и силы.
Юные годы лишь счастье сулили.

Где вы и бурных дерзаний тревоги?
Время Лауру, друзей поглотило,
Только лишь слёз не иссякнут потоки.

* * *

Любимые, друзья! О сколько было вас!
И сколько глаз сиянье мне дарило,
И, утопая, сколько рук сжимал не раз.
Но сердце с сердцем никогда не говорило.
Я, не скупясь, дарил сокровища души
И не жалел ничуть свои богатства,
Мот молодой, но должники мои
И не подумали со мною рассчитаться.
И кто посмеет обвинить, браня,
Что щедро жил, не думая о завтра,
Что страх пред будущим вдруг охватил меня:
Она грядет, та роковая жатва.
О девы юные, о юные друзья,
Сегодня я навек прощаюсь с вами!
Остатки же богатств, достоинство храня,
Я ныне от чужих очей оберегаю,
А старость близится, нерадостны года.
Так пусто. Кто воздаст за все потери?..
И понял — кто незримо был со мной всегда,
На небе Он, в него я свято верю...

Ты хочешь знать, за что Господь...

(отрывок)

Ты хочешь знать, за что Господь мне дал крупицу вдохновенья?
Не за свершенные дела, а лишь за мысли и стремленья.
Они поэзией звучат, надеждой, светом озаряют
И, словно вешние цветы, прощаясь, лепестки роняют.
Не то свершенные дела... они, как зерна, вглубь зарыты.
Но время движется. И вот — колосьями земля покрыта.
Угаснет множество имен. Какая горькая утрата!
Но прошумит колосьев сонм, пророча урожай богатый.
Затихнет грохот, смолкнет гул и эти громкие беседы.
И кроткие войдут в свой дом: они Христом благословенны.
И правду Господа поймут, и разнесут ее по свету.
Так будь же кроток, человек, последуй мудрому завету.

ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ

* * *

О мой великий и всеильный Бог!
К тебе мое доверье безгранично,
Ты святости и крепости залог.
И если вдруг стихия разразится
И захлестнет меня, как раненную птицу,
Ни слова не услышишь Ты в упрек.

III

Спи, спи, душа, ты выстрадала много,
Твой ангел, отлетев, поверг тебя в смятенье.
Спи, спи, душа, доколе пробужденья
Ты не получишь, как бессмертия, от Бога.

Спи, сердце, миги счастья уплыли,
Не стоит обречь себя на муки.
Усните, арф тоскующие звуки.
Уснем и мы, продолжив сон в могиле.

Так странник, ищущий желанного покоя,
Пригубив с трепетом отравленный напиток,
В страданиях глаза свои закроет.
И мне не избежать жестоких пыток,
Когда к источнику прильну любви и боли.
И вот жду смерти с легкою улыбкой.
О сердце бедное мое! Оно все стонет.

* * *

Тот грозный рок меня уж не страшит,
И ясен путь, проторенный не мною:
Страдать, творить, а значит — просто жить
И оставаться, как всегда, собою.

Любовь в цвет розовый окрасила года,
И отблеском ее мой мир еще охвачен,
Но для меня сейчас важней всего дела,
Большие, грустные, как солнце на закате.

И время бытия замедлило свой бег,
Как жаворонка, душу отпустило,
И душу-ласточку послало ей вослед,
Легко и радостно их с плотью разлучило.

И вот летят, в глазах веселый свет,
Все дальше от Земли в немые беспределы,
И шлют в мирские сумерки привет,
О Боже, помоги, чтоб счастье в них звенело.

* * *

Как в цветах подымается нежно заря
И кропит их незримо живыми слезами,
Так и ты, озарив меня вещими снами,
Под знамена зовешь, ритм дыханья даря.

И я верю, что мир пробудился не зря,
Песни эхом звучат над лугами, лесами,
Утомленные люди их слышат сердцами
И спешат через мглу, свет и солнце хваля.

* * *

Как только первые пропели петухи,
Проснувшись, взор свой к звездам обращаю.
В росе предутренней купаются цветы.
А я?.. Я пью ее и Бога прославляю.
Зрю херувимов стройные ряды,
Щиты их в золоте лучей сверкают,
От зла и тьмы надежно охраняют.
С зарей сливаются багряные плащи.

И в этот час меня услышал Бог,
За бледными скрываясь небесами,
И в песню воплотиться мне помог.
А сны последние, волос касаясь, тают.

АДАМ АСНЫК

* * *

Ищите правды алое пламя,
Ищите непознанность новых дорог.
В движении вечном к неведомой тайне
Душа познает чудеса мирозданья,
И в облике зримом является Бог.

Но в гордом исканье святынь не топчите,
Тех прежних святынь, что остались в веках.
Их светлый огонь в своем сердце храните,
И ваша любовь сбережет ту обитель,
Где чести и славы покоится прах.

* * *

Ничего между нами не было.
Никаких заверений, признаний.
Не клялись мы ни Богом, ни небом,
Резвее только весны дерзаньем.

Разве только весенним блеском,
Разве только весны ароматом
И шумящей мелодией леса,
Уносящейся вдаль куда-то.

Разве только каскадом потоков,
Орошающих все живое,
Разве только гирляндами легких
Облаков и озер раздольем.

Разве только кипеньем кристальных
Родников, светом ясного неба,
Разве только... Но больше меж нами
Ничего совершенно не было.

ЛЕОПОЛЬД СТАФФ

Раннее лето

Так внезапно пришло лето, полное сил,
Закружило сердца, срывая оковы.
И что было всегда, что привычно, как мир,
Вдруг представилось всем обещающе новым.

Торжествуют в июньских садах соловьи,
И сирени дурман опьяняет влюбленных,
И таинственный ветер — скиталец земли —
На лету обнимает девчонок смущенных.

* * *

Ты запрещаешь мне писать о соловьях, о месяце и алых розах,
Настойчиво твердишь: «Все это несерьезно».
Но пробуждается сомнение во мне:
Что, если бы тогда в вечерней тишине
Те двое юных не прошли случайно
Сквозь отблеск месяца и роз дыхание
И не прислушались к той соловьиной флейте,
То, скажем, был ли я сейчас на свете?

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН

Танго

Настурций огонь в зеницах кота.
Мглы чуткой меж тел пробеги.
Ладья — как из золота отлита.
Тоска и лиловые бреги.

В танце движением двух гондол
Плывем. Близко дно в просветах.
И бережно прячем щемящую боль
Познанья цветов и цвета.

Огней в зеркалах бесконечна игра —
Пусть в окнах сумрак таится —
И неустанно желает стопа
С движеньем певучим слиться.

Заговор танца со звуками вновь
Туман безотчетно туманит,
И танго, пурпурное, словно любовь,
Уж скоро бесцветным станет.

Стопу одевает ночной покров,
Последний звук ее минул —
Не знающий власти давящих оков,
Стремится он сгинуть... и сгинул.

* * *

Мрак на сходах, запустенье.
Не найти ни в чем спасенья.
След твой снегом запорошен,
Зов к тебе метелью скошен.

Надо в этот снег поверить,
Им оснеживаясь, снежить,
Снежной тенью оттениться,
С тем молчаньем белым слиться.

* * *

Снятся лесу леса,
Снятся лесу дожди,
В сонных грезах являются май,
И сирень начинается лазурно цвести.
Ну, а что снится мне? —
Я не знаю.

КОНСТАНТЫ ГАЛЧИНСКИЙ

Из «Ольштынской хроники»

О, сколько еще надо рассказать!
Слов никаких на это неостанет:
Суть аистов и белок разгадать,
И суть лугов, что будто в фалдах бальных.
Взять в рифму белых мотыльков полет
И нежность трав, затерянных под елью,
Воспеть в стихах живые акварели,
Что день за днем светило создает.

Когда ты, человек, вступаешь в лес,
То свои годы словно забываешь,
Лес чудной детской сказкой представляешь,
С глаз сбрасываешь марево завес.
И колокольчик скромный узнаешь,
И бабочку ночную различаешь,
И мох на сердце мысленно кладешь,
Его целебной силе покоряясь.

* * *

На опушке леса безмятежность,
А дорога золотом клубится,
Будто Феб проехал здесь, как прежде.

Босиком бреду через трясины,
Зелень изумрудная искрится,
И, как мать, зовет безбрежность сини.

* * *

Когда через сосновой лес я проходил,
То понял ясно суть трагедии мужской.
А вот когда в лес лиственный вступил,
То смех и звуки флейты ощутил,
Как будто бы вошел в мир женщины земной.

* * *

В час, когда солнце стремится
Пройти рубеж свой закатный,
Тело твое струится
В воде изваяньем из злата.

Как дева гомеровских сказов,
Бессмертна ты и прекрасна.

Легчайшим из всех движений
Вступаешь в вечерние тени,
Дрожа, как тростник иль струны.

А месяц напоминает:
Такая была — он знает —
В Гданьской группе Нептуна.

Встреча с матерью

Ты первая мне месяц показала,
И первый снег на елях,
И первый дождь.
Был, как улитка, я в ракушке белой,
А платье черное твое шумело,
Как моря черного безбрежье.
Ночь.
В лампе давно керосин догорел,
Причитает над ухом комар устало.
Мама, а может быть, ты теперь
В небе ясным созвездием стала?
Или, быть может, рассветом туманным?
Иль парусом белым над озером тихим?
Не твои ли это ладони, мама,

Стихи мои звездной пылью осыпали?
А может, ты просто полуденный звон,
Танец пчел в светлых залах лета?
Вчера в тростнике я шпильку нашел
Для волос. Не твоя ли это?

* * *

Иду к тебе. В твои луга,
В снега твои, в твой вольный ветер.
В твой мир, что так широк и светел,
Где зимы с веснами, раздоры позабыв,
Выплясывают на твоей ладони трояк,
В пыли поскрипывает воз.
Пугливый вепрь бежит через болото,
И поднимается олень в лучах восхода,
Который, пребывая в лоне грез,
Срывает звезды сонные с берез.

ЦИПРИАН КАМИЛЬ НОРВИД

Скажи им: отзвучал Дух мысли вечной...

I

Скажи им: отзвучал Дух мысли вечной,
И нервы пальцами по клавишам пошли —
Как будто бы парят над пропастью беспечно,
Как будто хрупкий мост над нею возвели!..
Но люди, для кого мелодии рождались,
Скрипели стульями, чихали и шептались:
В своем присутствии уверить собрались
Планету (что и так стремится ввысь!..).

II

Так крикни им, что человек — художник —
Жизнь взмахом кисти может удержать,
А солнце блещет на ресницах Божьих —
От этой бездны глаз не оторвать.
Они утрут носы, чтоб стало ясно:
Все бодрствуют и речи не напрасны.

III

Так крикни, наконец, чтоб суть раскрыть,
Что Божий сын родился в Вифлееме,
Что каждый год спешат туда прибыть
Паломники...

А мир — лежит на сене
И под сверкающих созвездий знаком
Вкушает рыбу, мёд и клёцки с маком!

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

Дар

Какой счастливый день!
В лучах восхода рассеялся туман, и я с утра в саду работал.
Колибри застыли в воздухе над нежными цветами каприфоли,
И не было на свете никого, к кому бы мог испытывать я зависть.
Все злое, что встречал на жизненном пути, — забыл.
И не стыдился, что был я тем, кем был.
Не ощущал в душе ни боли, ни сомнений.
И, распрямляясь от труда, я видел паруса и моря синь.

Сорочестъ

Тот самый и не тот самый, шел я чрез лес дубовый,
И грустно, и странно мне было, что муза моя Мнемозина
К раздумьям моим безучастна.
Закричала сорока, и невольно подумал — «сорочестъ».
Но что такое сорочестъ?
До сорочьего сердца,
Лохматого клюва над зобом и, конечно, полета,
Который то выше, то ниже в вечном своем обновленье.
Но никогда не взлечу я, а значит, постичь не сумею
Глубинного смысла «сорочестъ», тем самым ее отрицая.
Но, отрицая явленье с неясным, загадочным смыслом,
Я и себя отрицаю — все в мире в системе единой.
И кто же предвидеть мог бы, что через ряд столетий
Вновь обретет реальность идея универсалий.

О священных прудах и книгах глазами очевидца
(Из древнеиндийской поэзии)

В священных прудах — только вода.
Знаю — купался в них.
Боги из кости слоновой — мертвы.
Знаю — касался их.
В книгах Востока — только слова.
Знаю — заглядывал в них.
Правда лишь то, что сам пережил —
Кибер так говорит.

МАРИЯ ПАВЛИКОВСКАЯ-ЯСНОЖЕВСКАЯ

Нике

В веках непобежденная любовь!
Подобна ты Самофракийской Нике.
И кажется, растоптана, убита...
Но вот, воскреснув, воспарила вновь.

Ища один магический ответ,
Летишь ты, расстоянья покрывая,
По-прежнему к любимому зывая
Движеньем рук, которых уже нет...

Атлант

О, не уходи, Атлант прекрасный!
Мое небо лишь тобою нерушимо.
Дай мне вечностью пропеть свой гимн счастливый,
Затихая навсегда в твоих объятьях.

Добродетели

Святые добродетели любя,
Я не могу их отыскать в себе,
Ну разве только страстный крик во тьме:
«Враг мой единственный, я так люблю тебя!»

Сумерки на море

Побережье огнями светит,
Потонуло в лиловой мгле.
Оперся белый парус о ветер,
Словно я на мысль о тебе.

Октябрь

Березы словно желтые фонтаны,
Мир схвачен холодом последних листьев,
А солнце, словно кто-то очень близкий,
От нас уходит, прячась за туманы

Под костелом

Небо с тоски бледно-серым стало,
Листья кружат над долом.
Готикой юность моя взлетела,
Нынче я — как под костелом.

Буря

Деревья, мы в бурю попали! Я и вы.
Но мои мольбы уже стихли,
Вы же все бьетесь в вихре,
Как зеленые львы.

Соловушки

Соловушки нынче невеселы,
Сирень как лиловые крести.
Ты хочешь убить мое сердце?
Но можно ль убить в нем песни?

Портрет

Уста твои — розовый океан,
Взгляд — бурной стихии прорезь,
А руки твои, охватившие стан, —
Мой верный спасательный пояс.

Слепая

Из-за мая я совсем слепая,
Чую только, что цветут сады,
И губами зряче понимаю —
Ты, любимый, будто бы не ты.

Разочарование

Вечность вызывает напрасно
Об одном твоём поцелуе.
Человечество тайно, безгласно
Во мне плачет, о вере тоскуя.

Лебедь

Видишь, как знак вопроса,
Лебедь в воде отразился:
Будто к тебе обратился
Мир и ответа просит.

ВАЛЕНТЫ ПИЛАТ

* * *

Уехал... Зачем и куда?

Беспросветная грусть?

Нет, осталось со мной навсегда пенье птиц, шум лесов.

И в ладонях, надежно сомкнутых, я легко пронесу через годы

Ржанье резвых коней и колодезный скрип журавля.

А картины сменяют друг друга...
Как щемяще прекрасно бежать по зеленому лугу...
Все быстрее и быстрее, и все дальше и дальше.
Вдруг упасть и вдыхать, и вдыхать запах пашни...

Как щемяще прекрасно!..

Сосна

Величаво и гордо из земли вознеслась.
Ветер целует тебя, и птицы, и солнце, и дождь.
Не согнутая натиском всех непогод,
Ты стоишь...

И ничто не сдвинет с места тебя,
Ничто не заставит преступить через свою суть.

Осень

Нагие деревья жмутся стыдливо друг к другу
(кто-то их обокрал?).
Посеревшие от печали, в порывах лютого ветра
Яблони, словно вдовы, безутешно роняют на землю капли — слезинки дождя.
Задыхаясь в поцелуях осени, поет песнь смерти старый отшельник-дуб.
И только гордый и могучий кедр своей вечнозеленой окраской
Отталкивает коханку-осень с презреньем и насмешкой.

Когда умирают птицы...

Когда умирают птицы, природа о них не помнит.
Лежат, распластавши крылья, как снятые с креста.

Когда умирают птицы, нет ни могил, ни надгробий,
И мы мимо них проходим, поспешно свой взгляд отводя.

Когда умирают птицы, кошки спешат к их праху,
Бродячие, тощие кошки, мурлыча, на тризну спешат.

Когда умирают птицы... грустно, но вот в чем правда:
Как часто любовь людская умирает именно так.

Ревность

Я — лист зеленого клена,
Ты росой явилась мне.
Ах, зачем губы ветра влюбленного
Утонули в твоём серебре?

Розовые любовники Марка Шагала

Сколько любви те глаза затаили!
Сколько любви та улыбка сулит!
Сколько любви в робко-страстном порыве!
В розовой нежности сколько любви!

* * *

Не могу тебе песни сложить
Из колючих, безжалостных слов,
Из обидных, кривых усмешек,
Из наветов, охваченных злом.

Не могу тебе песни сложить
В торжествующем хаосе звуков,
Если вечно нет писем от друга,
Не могу тебе песни сложить.

Не могу тебе песни сложить,
Если в душу закралось сомненье,
Если скован холодным неверьем,
Не могу тебе песни сложить.

КШИШТОФ ДАРИУШ ШАТРАВСКИЙ

Как нежно поет полночь...

Как нежно поет полночь,
Как тихо плачет к полям приникшая тьма,
Холодный ветер шелестит ворохом неутоленных желаний,
И манит к себе тайна безграничных пространств.
Широко и раскованно текут воды подземных рек,
Грядущий день дарует новые надежды,

Призывно распахивает двери нашего дома,
Куда мы так страстно желаем вернуться.
И вновь шелестит северный ветер,
В книге вечных заклинаний он читает наши имена,
Имена забытых нами предков и пока неизвестные миру имена наших детей.
И всегда будет с нами тот мерцающий свет в конце дороги,
По которой мы идем, взявшись за руки, от поколения к поколению.

* * *

Спокойно, еще ничего не случилось.
Только леса затаились от зноя.
И у дороги все круче изгибы.
А время, что так безоглядно растратил,
В Шобруке, на кладбище, вдруг отыскал.
Где-то весны костры догорают,
Дымом последней горечи полдень набух.
Знаю, что время — обман. Его могло бы не быть.
Но если все-таки есть, то условно —
Как форма клеток простейших и духа.
Думаю — это действительно так...
Двигается транспорт с черепицей молчащей,
Моторы устало глотают похожую на гной нефть,
И невыносимо сладким становится дым сигареты.

Песнь

Одна за другой пробегают минуты, а мы стремимся понять суть нашей тревоги:
Вот старое, но все еще не забытое кладбище,
Катафалк медленно движется к деревьям, что растут на вершине холма.
А может быть, первый снег, расколотое небо и рассыпанная
В свободном полете стая журавлей?
Нет, видимо, дело в ступенях, которые осторожно огибает дорога.
Взор привлекает нечеткий контур посреди мокрых листьев,
И, как бы пронизывая все видимое, звучит старая песнь,
напеваемая тихим, приглушенным голосом,
Который словно прорывается через кем-то сдавленное горло.
Все так обычно, и думается, поэтому трудно подыскать слова,
определяющие охватившее нас беспокойство.
Но нет, слова, хотя и неуверенно, высовываются между страниц —
Им пришло время. Пришло время и нам преклонить колени.
И оно, это время, все настойчивей заявляет о себе, все чаще
напоминает нам о своей истинной природе, о природе Всебытия.

АДАМ МИЦКЕВИЧ (1798—1855), крупнейший поэт эпохи европейского романтизма. Как деятель национально-освободительного движения в 1824 г. был выслан царским правительством из Литвы; жил в России, где общался с декабристами и А. С. Пушкиным. После 1829 г. находился в эмиграции, читал лекции о славянских литературах в Париже. Его перу принадлежат «Баллады и романсы», «Гражина», «Конрад Валленрод», «Дзяды», а также поэма «Пан Тадеуш» — эпическое полотно старопольского быта, истинный шедевр словесной живописи, где все способствует восприятию мира в его гармонии.

ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ (1809—1949) — выдающийся польский поэт и драматург, один из создателей польского романтизма. Вершиной его творчества является поэма «Бенёвский», а также эпопея «Король-Дух», представляющая синтез философско-исторических взглядов поэта.

АДАМ АСНЫК (1838—1897), польский поэт, драматург, журналист, участник польского восстания 1863 г. Продолжая традиции романтизма, Аснык успешно развивал жанры гражданской, философской, а также интимной и пейзажной лирики. Для его поэзии характерны богатство настроений, умение передать их тонкие оттенки, законченность форм, музыкальность строфики. Наибольшую известность получили его стихотворные циклы «В Татрах» и «Над глубинами».

ЛЕОПОЛЬД СТАФФ (1878—1957), польский поэт, драматург, переводчик. Дебютировал в 1901 г. сборником стихов «Сны о могуществе», в котором ощущаются символично-импрессионистские искания «Молодой Польши». Ориентацией на классические традиции, осмыслением вечных этических и эстетических ценностей характеризуются сборники «Цветущая ветвь», «Улыбка мгновений», «В тени меча». Стремление к поэтическому воплощению общечеловеческих чувств свойственно послевоенной лирике поэта, что нашло отражение в сборниках «Мертвая погода», «Камыши», «Девять муз».

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН (1877—1937), польский поэт, с 1933 г. — член Польской академии литературы. Начав свой творческий путь как представитель польского символизма, он стал одним из наиболее оригинальных польских поэтов-лириков XX в. Широкую известность получили сборники его стихов «Сад на распутье», «Луг», «Лесное деяние», для которых характерно слияние условного сказочного мира с реальным, стремление к полному растворению в природе. Стихи Лесьмяна отличаются разнообразием лексики — использованием архаизмов, диалектизмов, оригинальных

неологизмов. В деформированном, фантастическом, порой гротескном мире его поэзии оживают мотивы народных верований и легенд.

КОНСТАНТЫ ГАЛЧИНСКИЙ (1905—1953), является автором целого ряда поэтических сборников, среди них «Заговоренные дорожки», «Колечки Изольды», «Пасхальная ночь Иоганна Себастьяна», «Ольштынская хроника», «Песни», в которых отразились раздумья поэта о жизни, любви, искусстве. В его стихах сочетаются элементы лирики, юмора, иронии и гротеска. Новый лирико-эпический тип представляют поэмы «Ниобея» и «Вит Ствош».

ЦИПРИАН КАМИЛЬ НОРВИД (1821—1883), польский писатель, художник, скульптор. Большая часть его произведений опубликована посмертно. Его творческую манеру определяет предварившая поэтику XX в. интеллектуально-ассоциативная лирика, получившая развитие в цикле «Vade mesum», а также в философских поэмах, новеллах, эссе.

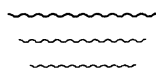
ЧЕСЛАВ МИЛОШ (1911—2004), выдающийся польский поэт, прозаик, переводчик, один из основателей литературной группы «Жагары» и журнала под тем же названием. В период оккупации находился в Варшаве, сотрудничал с Движением Сопротивления. После окончания войны жил в Кракове, работал в редакции журнала «Творчество». В 1945—1950 гг. являлся атташе по вопросам культуры в Вашингтоне и Париже, с 1951 г. находился в эмиграции (Франция, США). Автор целого ряда поэтических сборников, среди которых «Спасение», «Порабощенный разум», «Дневной свет», «Король Попель и другие стихотворения», «Поэтический трактат», «Заколдованный Гучо», «Город без названия», «Где восходит и заходит солнце», «Гимн жемчужине». На английском языке вышла его монография «История польской литературы». Известен он и как автор великолепных переводов. Чеслав Милош получил широкое признание не только в польской, но и в мировой культуре. За свою многогранную деятельность он неоднократно был награжден, а в 1980 г. стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

МАРИЯ ПАВЛИКОВСКАЯ-ЯСНОЖЕВСКАЯ (1891—1945), выдающаяся польская поэтесса, автор книг «Розовая магия», «Поцелуй», «Веер», «Лесная тишина», «Балет выюнков» и др.; мастер изящной лирической миниатюры, в которой запечатлены тонкие нюансы человеческих переживаний, часто навеянных восприятием природы и искусства. Для ее стиля характерны утонченность мысли, афористичность, внимание к жизненным деталям, сдержанная ирония. Творчество поэтессы пользуется неиз-

менной любовью многих поколений польских читателей. Ее стихи переведены почти на все европейские языки.

ВАЛЕНТЫ ПИЛАТ (1946), польский поэт, известный специалист по современной русской литературе, доктор филологических наук, профессор Варминско-Мазурского университета, автор более ста научных работ, в том числе монографических исследований, редактор целого ряда выпусков сборников и журналов по проблемам филологии. Первые публикации его поэтических произведений из цикла «Трепет души» в русских переводах Р. В. Алимпиевой появились в Калининграде в 1994 г.

КШИШТОФ ДАРИУШ ШАТРАВСКИЙ (1961), польский поэт, прозаик, критик, преподаватель Варминско-Мазурского университета в Ольштыне.

V

Гость номера

